

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-762-776

EDN: VVSOJM

К истокам теоретических кризисов в социологии*

А.Н. Данилов¹, С.В. Костюкевич²

¹Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, Минск, 220004, Республика Беларусь

²Институт социологии НАН Беларуси,
ул. Сурганова 1, корп. 2, Минск, 220072, Республика Беларусь

(e-mail: a.vitebsk55@gmail.com; svkostus@yahoo.com)

Аннотация. В статье проанализирована связь теоретических кризисов в социологии с влиянием на нее экспериментальной науки, возникшей в Европе в середине XVIII века в результате научной революции, связанной прежде всего* с именами Г. Галилео и И. Ньютона. Показано, что конституирование в Европе Нового времени позитивистской социологии происходило в подражание естественной экспериментальной науке, что обусловило понимание объекта социологического изучения (человеческого общества) как естественного явления (наподобие природы в естествознании), которое подчиняется в своем развитии одним и тем же (универсальным) законам и закономерностям. Подражательность позитивистской социологии проявилась и в том, что, как и естественные науки, она, с одной стороны, демонстрирует приоритет теоретического над эмпирическим, а, с другой стороны, считает важным проводить сбор эмпирических данных через введение измерительных процедур, т.е. позитивистская социология ориентирована на связь теории и практики. Доказывается, что в основе теоретических кризисов социологии лежит невозможность развивать социологию, гуманитарную по своей сути науку, преимущественно по канонам естественно-научного исследования. И ответственность за кризисы лежит в большей степени на позитивистской методологии, поскольку она была первой по времени и доминировала в течение всего XX столетия. В силу специфики зарождения и развития социологии ей важно искусно совмещать каноны естественной и гуманитарной наук. В этой связи социологии следует не только развивать измерительные процедуры, но и расширять сотрудничество с гуманитарными науками для обогащения своего концептуального аппарата.

*© Данилов А.Н., Костюкевич С.В., 2026

Статья поступила в редакцию 05.03.2026. Статья принята к публикации 13.07.2026.

Ключевые слова: социология; теоретические кризисы; позитивистская социология; культур-социология; цивилизационный подход; институционализация; институциональный подход

Для цитирования: Данилов А.Н., Костюкевич С.В. К истокам теоретических кризисов в социологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2026. Т. 26. № 3. С. 762–776. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-762-776> EDN: VVSOJM

Социология, как и всякая наука, отвечая на вызовы современности, периодически переживает теоретические кризисы, что, как правило, требует методологического обновления. «История XX и начавшегося XXI столетия наглядно демонстрирует, что все социально-политические и экономические трансформации не только генетически детерминируются, но и легитимизируются благодаря трансмутации культурно-нравственных смыслов человеческого бытия, с помощью смыслов и ценностей перекодировки реальности, которая происходит в культуре» [1. С. 6]. В настоящее время кризис в социологии очевиден — невозможно объяснить и спрогнозировать с помощью имеющейся теоретико-методологической базы и методического инструментария вызовы будущего, упредить их возможные негативные последствия.

У социологии есть свои особенности: будучи гуманитарной наукой по своей сути, она с самого начала была ориентирована на каноны естественно-научного исследования. Это было задано ее отцом-основателем О. Контом — его позитивистский подход (по времени первый методологический подход, который до сих пор является доминирующим) означал введение математики и, соответственно, процедур измерения в гуманитарное знание. Л.Г. Ионин отмечал, что социальные науки «постоянно колеблются между сциентистской позицией, ориентированной на идеал естественно-научного знания, и герменевтической установкой, которая близка традиционному литературно-гуманитарному подходу» [2. С. 36]. При этом колебание чаще идет в сторону сциентистской позиции, что позволяет говорить о доминировании естественнонаучных стандартов в социологии: «Естественно-научный подход по целому ряду причин возобладавал в социальных науках. Этому есть историческое объяснение. Социальные науки и социология в том числе начали формироваться в XIX веке как “социальная физика”, “социальная физиология”, “социальная арифметика” и т.п., т.е. подражая естественно-научным моделям и методам познания. С тех самых пор строгость, точность, объективность, адекватность и надежность в социологическом знании измерялись тем, в какой степени социология следует идеалу естественно-научной методологии, отождествляемой в конечном счете со степенью усвоения социологией измерительных и статистических процедур. Такая ориентация в социологии, именуемая то сциентистской, то натуралистической, то позитивистской, оказалась преобладающей в течение всего XX столетия» [2. С. 38].

Конт ввел в научный оборот термин «социология», сделав объектом ее изучения общество — то объективно общее, что присуще для всех исторически существующих обществ, т.е. отделил социологию от истории, которая также изучает человеческие общества, но как отдельные социально-исторические образования в истории. Общество как таковое (теоретическое понятие) не является объектом исторического исследования — история изучает исторические факты. Общество как таковое (вообще, а не как исторический факт) самостоятельно может существовать, во-первых, как понятие, отражающее то объективно общее, что присуще для всех исторически существующих обществ и, во-вторых, «как всякое общее, общество вообще реально существует, но не само по себе, а только в отдельном и через отдельное» [3]. «Понятие “общество вообще” не является произвольной мыслительной конструкцией. Оно имеет объективное содержание, ибо фиксирует объективное общее, присущее всем социоисторическим организмам без исключения» [3].

Обозначив объект изучения социологии (общество) теоретическим понятием, Конт заявил социологию в качестве *теоретической научной дисциплины* и тем самым задал вектор ее развития как аналитической генерализирующей науки, которая стремится открывать типическое (общее) и логически обосновывать социально-историческую жизнь людей через открытие законов и закономерностей, по которым развивается общество. Историком важнее изучение и описание отдельных обществ. Социологу, который ориентируется на открытие типического, законов и закономерностей, важнее создание теорий, которые описывают много или даже все общества.

Развитие в рамках позитивистской методологии социологии как теоретической науки, ориентирующейся на каноны естественнонаучного исследования (экспериментальной науки, возникшей в Европе в середине XVIII века в результате научной революции, связанной, прежде всего, с именами Г. Галилео и И. Ньютона), обусловило следующее понимание общества: во-первых, как *естественного явления* (наподобие природы в естествознании) — позднее это понимание подверглось критике в культур-социологическом подходе. Например, М. Вебер, исходя из того, что осмысленные действия совершают только люди, считал, что общества (а также государство и т.п.) — образования, фиксирующие специфическое поведение людей, которые не имеют вне-индивидуальной и над-индивидуальной реальности. Между тем как Конт считал, что общество — это над-индивидуальная объективная реальность наподобие естественного (природного) явления, и имеет свои законы развития. Во-вторых, как *единого человечества*, подчиняющегося в своем развитии одним и тем же (универсальным) законам, т.е. общества проходят одни и те же стадии развития, например, у А. Смита — охотничьи-собираТЕЛЬские, пастушеские, земледельче-

ские и торгово-промышленные общества; у А. Сен-Симона — античное общество, основанное на рабстве, феодальное общество, в котором доминировало крепостничество, общество Нового времени, индустриальное, в котором господствует наемный труд.

Идея о том, что человечество — это не природа, где действуют универсальные законы, что оно не представляет собой единства, потому что есть разные цивилизации, только формировалась, хотя некоторые исследователи во времена Конта указывали, что в древности существовали общества разной организации, например, Б.Г. Нибур, Л.Г. Морган и др. Подчиняются ли общества разной организации логике развития, описанной Смитом и Сен-Симоном: современный мир показывает, что, скорее, да, чем нет, поскольку есть примеры успешной индустриализации в СССР и в Китае. Однако есть и неудачные примеры (например, в странах Латинской Америки), поэтому спорной стала идея, что человечество едино и все общества проходят одни и те же стадии в своем развитии. Неудивительно, что идея разного цивилизационного развития получила широкое распространение в XX веке — сформировался *цивилизационный подход*.

Учитывая ориентацию позитивистской методологии на каноны *экспериментальной науки*, которая соединила теорию и практику (эксперимент) в научном исследовании, утвердив тем самым, что отныне не только логическое доказательство, но и практика — критерий истины, а также что теоретическое знание должно использоваться для обслуживания практических интересов и целей, неудивительно, что Конт предлагал социологии быть *одновременно теоретической и практической наукой*. Как отметил Н. Смелзер, «Две идеи просматриваются в ходе развития социологии. И обе они берут начало в работах Огюста Конта. Первая — применение научных методов для изучения общества. Вторая — практическое использование науки для осуществления социальных реформ. Конт был убежден, что добытые наукой знания могут послужить благосостоянию общества» [4. С. 39]. Однако убеждение Конта, что наука должна приносить пользу обществу, а, значит, социология должна ориентироваться на социальное реформирование, т.е. претворять свои теории в жизнь, запрограммировало будущие кризисы — в XX веке наступило разочарование от переделывания (модернизации) общества согласно социологическим теориям, в основе которых лежала идея единства человечества, подчиняющегося в своем развитии одним и тем же (универсальным) законам. Разочарование не могло не наступить, если незрелая еще гуманитарная наука, к тому же копирующая естественнонаучный подход, начинает вмешиваться в социальную жизнь. Не отрицая необходимости и важности социальных реформ, есть основание считать, что в основе теоретических кризисов социологии лежит поспешная установка на практику (социальное реформирование).

Исходя из позитивистской методологии, ориентирующейся на естественнонаучные стандарты, идею единства человечества и важность социального реформирования, в XX и XXI веках разработанные для западных стран экономические и социальные модели автоматически переносились в незападные страны, и этот опыт был далеко не всегда удачным [5]. Полагаем, что в основе теоретических кризисов социологии *лежит невозможность развивать социологию, гуманитарную по своей сути науку, преимущественно по канонам естественно-научного исследования* (1) [6].

Связь социологии с историей и естественными науками

В современной социологии присутствует позиция, которая склонна объединять социологию и историю «формой развития теоретической социологии на исходе нашего века становится историко-теоретическое исследование. Мы же имеем достаточно серьезные основания говорить еще об одном синтезе — синтезе истории и теории социологии вообще. Одно из выразительных свидетельств этой тенденции — историческая ориентированность сугубо теоретической работы Э. Гидденса “Социология. Вопросы и проблемы” (1968), засвидетельствованная им самим. “Пожалуй, главной отличительной чертой данной книги является ее теоретическая направленность... хотя социология и история преподаются как две совершенно различные дисциплины, такой подход я считаю ошибочным [7. С. 129]”» [8. С. 59]. Современные социологи (например Гидденс) ориентируют социологию на гуманитарные науки, в частности, историю, из чего следует, что при создании теорий социологи могут опираться в большей степени не на измерительные математические процедуры и математические модели, а на исторические факты.

Однако история и социология — все-таки разные научные дисциплины, хотя, разумеется, исторический анализ должен присутствовать в социологическом исследовании. Исторiku важнее факты, а социологу, который ориентируется на открытие закономерностей, важнее теоретические конструкции. Социология — аналитическая генерализирующая наука, в этом и ее достижения, и ее неудачи (создание теории требует от исследователя много времени и сил, чтобы объединить массу знаний и фактов в непротиворечивую цепочку суждений, к тому же знаний и фактов часто бывает недостаточно). Приоритет логического над историческим и теории над эмпирией, установка на открытие законов и создание теорий — все это подчеркивает связь социологии с естественными науками.

Традиционно в позитивистской социологии научное исследование начинается с теории — с изучения уже предложенных объяснений. Затем, исходя из имеющихся теорий и собственных идей, проводится операционализация понятий — должна быть применена процедура измерения, чтобы ввести математику в гуманитарное знание. Затем проводится эмпирическое исследование, которое можно сравнить с лабораторным экспериментом. Как видим,

научное исследование в социальной науке строится по образцу экспериментальной науки в физике, но физики классического периода, которую Конт взял за образец для социологии, поэтому неудивительно, что в социологии присутствует позитивистская установка недоверия к теории, если она не подтверждается эмпирически. В связи с этим есть основание назвать социологию *эмпирической наукой*.

С другой стороны, позитивистская социология, как и естественные науки, демонстрирует *приоритет теоретического над эмпирическим* и следует древнегреческому канону теории как логически стройной и непротиворечивой системы суждений, к тому же записанной частично математически, но тем самым позитивистская модель подчиняет историческую и социальную жизнь людей логике, что чревато логическими спекуляциями и, как результат, ошибочными прогнозами. Неудивительно, что столь популярна идея Н. Талеба о роли случайности и непредсказуемости, выраженная метафорой черных лебедей [9]. Талеб считает, что аналитики переоценивают рациональные объяснения статистических данных и потому делают неверные прогнозы. При доминировании логики и математики в анализе и прогнозировании неудивительно, что всех застают врасплох «черные лебеди».

Кроме того, культ теории, оставленный древними греками нам в наследство, со временем применительно к гуманитарному и социальному знанию привел к разочарованию в теоретизировании, т.е. в логически непротиворечивом доказательстве (обосновании) исторической и социальной жизни, и к постмодернистскому скепсису в «тотальных нарративах». Не отрицая факта логических спекуляций и провала некоторых ярких теоретических конструкций (например, теории общественно-экономических формаций К. Маркса), все же не следует отрицать значение теоретизирования, из которого, впрочем, не следует делать культа. Нет единой тотальной теории для всех времен и народов, теория всегда ограничена и относительна, но позволяет делать концептуальное обобщение эмпирических фактов и тем самым объяснять логику и причинность явлений. Без теории мы имеем только практическую пользу от обобщения эмпирических фактов, а с теорией понимаем причинно-следственные связи.

Позитивистская социология и культур-социология

Ориентация Конта и его последователей на естественно-научный идеал в конечном итоге спровоцировала в социологии первый теоретический кризис и оформление второго методологического подхода — *культур-социологии* (культур-аналитического подхода, понимающей социологии), ярким представителем которой является М. Вебер. За кризисом, который показал существенное различие гуманитарной и естественной наук (2), скрывался методологический спор между *социологическим номинализмом и социологическим реализмом*. Те, кто стоял у истоков социологии — Конт (3), Г. Спенсер,

Э. Дюркгейм, были сторонниками социологического реализма, который исходил из видения и понимания общества как целого, несводимого к составляющим его частям, т.е. отдельным индивидам, что позволило, например, выделить социальные институты как особую форму социальной жизни, являющейся в то же время вне-индивидуальной и над-индивидуальной реальностью.

Сторонники социологического номинализма, наоборот, считали, что общество есть лишь совокупность индивидов, поэтому люди должны быть объектами социологического исследования: «Сходного взгляда придерживался... Вебер. “Для других (например, юридических) познавательных целей или для целей практических... может быть, напротив, целесообразно или даже неизбежно рассматривать социальные образования («государство», «ассоциацию», «акционерное общество», «учреждение») совершенно также, как отдельных индивидов (например, как носителей прав и обязанностей или как субъектов, совершающих релевантные в правовом отношении действия). Для понимающей социологии, интерпретирующей поведение людей, эти образования — просто процессы и связи специфического поведения отдельных людей, так как только они являют собой понятных для нас носителей осмысленных действий”» [3]. Исходная позиция реалистов, что общество — целое, несводимое к его частям (людям), имела слабое место, на которое указал Вебер: только люди демонстрируют осмысленное поведение. Найти теоретическое решение этого противоречия не смог даже Дюркгейм.

Дюркгейм настаивал, «что общество представляет независимую от индивидов, внеиндивидуальную и надиндивидуальную реальность. Эта особого рода реальность, несводимая к другим ее видам, включена в универсальный природный порядок. Социальная реальность столь же устойчива и основательна, как все другие виды реальности, и, соответственно, как и они, развивается по определенным законам. На естественно возникавший вопрос о природе этой социальной реальности Дюркгейм прямого ответа не давал. Но так как он с самого начала своей научной деятельности настаивал на духовном характере всех социальных явлений (включая экономические), то получалось, что эта реальность была в сущности духовной. Объяснить, каким образом духовная реальность могла быть независимой от людей, Дюркгейм оказался не в состоянии. И в результате, начав с резкой критики психологизма, с подчеркивания внешнего и принудительного характера социальных фактов, он в последующем все в большей и большей степени стал склоняться к психологическому их объяснению» [3]. В отличие от Дюркгейма Вебер настаивал, что социальная реальность не сродни природным реальностям, т.е. не объективна сама по себе (вне воли людей), а субъективна, создается людьми как продукт культуры и не может развиваться по законам, независимым от воли людей.

В понимающей социологии Вебера «объекты культуры имеют онтологический статус (как и объекты природы), но на самом деле это смысловые реальности, обусловленные своим существованием человеческой активности... Социальные институты — это продукт творчества людей, и они есть не природные, а культурные реальности, родившиеся из осмысленного социального поведения и имеющие смысл для каждого человеческого существа... Общество в целом также является культурным установлением, так как оно основано на осмысленном поведении, а не на инстинктивном реагировании, свойственном животному миру. Все чисто природное смысла не имеет» [2. С. 22]. Продолжая объяснять социологию Вебера, Л.Г. Ионин пишет: «Именно потому, что конституирующим признаком социального является субъективный смысл, подлежащий и доступный пониманию, Вебер называет свою социологию понимающей... Если это так, то социология, которая видится Веберу, не может стоять в одном ряду, как это думал Конт, с физикой, биологией и другими естественно-научными дисциплинами. Она не может, как это считал Дюркгейм, исходить из предпосылки объективности социальных явлений. Ее задача — объяснить саму эту объективность, показать, как она возникает и формируется из действий, субъективно ориентированных по своей природе. Но тогда меняется и само понимание человеческого общества: его уже не следует рассматривать как продолжение природы, как объективную реальность, подобную той, которую изучают естественные науки. Оно, общество, — продукт человеческих действий, искусственное, созданное людьми явление, т.е., иначе говоря, культурный продукт» [2. С. 42]. «По Конту, общество, с одной стороны, объективная реальность, вещь, система, эволюционирующая по собственным законам, а с другой — продукт эмоций, идей, мнений. В социологии Дюркгейма социальные факты одновременно и вещи, и коллективные представления, факты психической реальности. Вебер же как исходную предпосылку социологии использует положение, что человек — культурное существо, и на основе этой предпосылки пытается построить здание объективной социологии» [2. С. 43].

В этой исходной посылке (общество — природное или культурное явление) суть *первого теоретического разногласия* в социологии между представителями позитивистского и культур-социологического подходов. Первые ориентировались на каноны научной объективности в естествознании, вторые — на выдающихся гуманитариев того времени, чьи работы о формировании в древности обществ разного типа опирались на широкий эмпирический материал и предлагали не менее объективное знание. Если аксиоматически не допускать объективность общества как вне- и над- индивидуальной социальной реальности, которая, по мнению Дюркгейма, включена в универсальный природный порядок, а объяснять, как объективное (общество) возникает из субъективного (действий людей) [11], мы получаем веберовскую ориента-

цию социологии на гуманитарный (герменевтический) подход для анализа и понимания смысла и значения человеческих действий и творчества.

Человеческое творчество создает смысловую реальность (одновременно социальную и культурную). Согласно Ф. Тенбруку в любом эмпирическом явлении социальной жизни невозможно отделить социальную часть от культурной — налицо «бесшовное соединение» [2. С. 40]. «Вебер использовал метод исторического исследования, анализируя связь между религией и социальными изменениями. Он был убежден, что в протестантизме и особенно в учении Кальвина (XVI) заложен некий призыв к самодисциплине, которая является важным условием делового успеха. Стремясь доказать это, он внимательно изучал проповеди великих протестантов, уделяя особое внимание их мыслям об упорном труде, самоограничении, разумном использовании времени и денег. Он также анализировал произведения Франклина, высоко ценившего деловой успех. Кроме того, он изучал историю нескольких религий — например, Индии и Китая, где деловому успеху не придавалось такого важного значения, как в протестантской Европе, и обнаружил, что эти темы встречаются не во всех религиях... Использование исторических документов для проверки гипотез является важным методом исследования для многих социологов» [4. С. 32] (переписи населения, судебные протоколы, записи в церковных книгах, полицейские архивы и т.д.). «Тем не менее ориентирующуюся на человеческую субъективность веберовскую социологию нельзя назвать гуманитарной дисциплиной в традиционном понимании, как например историю, которая изучает индивидуальные, обладающие культурной значимостью, действия, институты и т.п. Социология как генерализирующая наука, оперирует типическими явлениями, фактами, личностями, которые в ходе социологического образования понятий освобождаются от индивидуального содержания, но при этом социологические абстракции — типы — не оторваны от субъективного смысла реальных человеческих действий» [2. С. 44].

Итак, в отличие от Конта и Дюркгейма, Вебер в центр социологии ставит субъективность — люди творят социальный мир, но при этом он, как Конт и Дюркгейм, ориентирует социологию быть генерализирующей наукой, в которой, в отличие, например, от истории, приветствуются теоретические конструкции. Уходя от позиции Конта и Дюркгейма о том, что общество — это над-индивидуальная объективная реальность наподобие естественного (природного) явления, Вебер в то же время солидарен с ними в сохранении культа теоретического знания в социологическом исследовании и стремится логически обосновать историческую и социальную жизнь. Таким образом, природное ли общество явление или культурное, но стороны согласны в том, что им правят универсальные законы, которые устанавливает теория. Подвергнут сомнению универсальность социальных закономерностей представители цивилизационного подхода.

Позитивистская социология и цивилизационный подход

Во времена Конта и Вебера еще не получили широкого признания идеи о принципиальном различии цивилизаций, хотя они уже существовали. Например, Н.Я. Данилевский изложил свою теорию о культурно-исторических типах [12], О. Шпенглер рассматривал историю с позиции цивилизационного подхода. Позднее, в середине и в конце XX века идея цивилизационного развития получила широкое распространение [13]. Например, С. Хантингтон полагал, что «в нарождающемся мире основным источником конфликтов будет уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Нация-государство останется главным действующим лицом в международных делах, но наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями — это и есть линии будущих фронтов» [14. С. 33]. Нет единства человечества, а есть конфликты между цивилизациями. Каждый из представленных Данилевским культурно-исторических типов, «или цивилизаций, имеет свою собственную историю, и нельзя говорить об общей или универсальной истории человечества. Когда мы обсуждаем вопросы древней, средней или новой истории, мы обычно подразумеваем историю Европы. На самом деле каждый из культурно-исторических типов имеет свою собственную древнюю, среднюю и новую историю, причем некоторые из них уже завершили свой цикл, другие существуют, находясь на разных ступенях развития» [2. С. 25–26].

Но если нельзя говорить о единой истории всех времен и народов, подчиненной единой логике, то необходимо искать логику создания социального (социальной структуры, стратификации, институтов и др.) в историческом анализе той или иной цивилизации (ее доминирующей культуры и культурной идентичности, в творчестве доминирующих в ней элитных групп). В современную эпоху одним из значимых представителей цивилизационного подхода в социологии является Ш.Н. Эйзенштадт, который расширил понимание теории модернизации: вместо единого пути развития он предложил концепцию *множественной модернизации*, т.е. модернизация общества связана с его культурно-историческими особенностями, значит, модернизация и вестернизация — это не одно и то же, и западный образец — один из возможных (4) [15]. «В конце 50-х, а особенно начиная с середины 60-х годов, стала нарастать критика ранних теорий модернизации... направленная прежде всего против дихотомии традиция–современность, в том числе на выявление неисторичности и западоцентричности этой модели. Другое направление критики относилось к базовым теоретическим и аналитическим предпосылкам модели, особенно ее предпосылок “развития” как эволюци-

онного процесса и “функционально-структурной” схемы анализа устройства общества» [15. С. 471].

Итак, цивилизационный фактор стал еще одной причиной теоретического разногласия в современной социологии. В итоге была подвергнута сомнению идея универсальности социальных закономерностей, открываемых социологической теорией, и угас интерес социологов к построению теорий макроуровня.

Социология XXI века — синтез естественной и гуманитарной науки

Сегодня признается, что недостаток позитивистской модели социологического исследования, связанный с подражанием естественнонаучным стандартам, — *пренебрежение фактором времени* (результат подражания классической физике) [16. С. 11]. В постклассической науке ситуация изменилась: «в современных научных представлениях не сохранилось и намек на былые представления о властно повелевающих и требующих беспрекословного повиновения “законах” природы. Ныне под законами природы принято понимать статистические закономерности, справедливые в определенные моменты времени и в определенных местах» [16. С. 52]. Об игнорировании фактора времени в социологии пишет Г. Дерлугьян применительно к академической американской социологии, «во всяком случае ее господствующий “мейн-стрим” ориентирован одновременно на внеисторические инвариантные модели (которые считаются основной, если не единственной формой теории), а также на конкретные исследования явлений, берущихся многочисленными индивидуальными учеными почти неизменно на микроуровне и на кратких временных участках» [17. С. 8].

Недостатками позитивистской модели социологического исследования также признаются *пренебрежение фактором творчества*, что идет от восприятия общества как естественного (природного) явления, отражается в пренебрежении гуманитарным знанием и в ориентации на использование математических моделей, и *пренебрежение фактором разной организации человеческого общества*, что ставит вопрос о цивилизационном развитии и о социальной и культурной идентичности.

Есть основание считать, что тенденция сближения истории и теоретической социологии поможет последней выйти из теоретического кризиса, так как доминирование в XX веке позитивистского (натуралистического, сциентистского) подхода привело к тому, что социологические теории, описывая главным образом функционирование современных обществ западного типа на базе эмпирической (статистической) информации, предлагали себя в качестве универсальных для всех стран. Теоретические источники, на которые опираются социологи в своих исследованиях — концепции структурного функционализма, теории модернизации, инновационной экономики, человеческого капитала, постиндустриального общества, среднего класса и др.,

были зачастую нерелевантны для обществ незападного типа. Вот почему практика переноса западных теорий и моделей развития на западные страны во многом оказалась неудачной. Более того, даже применительно к западным странам такие теоретические конструкции не всегда могли служить надежной базой для успешного прогнозирования. Все это провоцировало в социологии разочарование в теоретизировании.

Историческое рождение социологии как науки с опорой на естественнаучные стандарты диктует ей быть аналитической генерализирующей наукой, которая строит теоретические конструкции и ищет закономерности. Но социология не естественная наука, так как она изучает не природные, а смысловые реальности. В социологическом исследовании важно опираться не только на количественное измерение и математические модели, но и использовать исторические данные, учитывать фактор времени, фактор творчества, роль элитных групп, разнообразие цивилизаций, специфику социальных институтов — все это позволяет усилить понимание человеческого общества и тем самым⁹ объективность социологического знания. В силу специфики рождения социологии ей важно искусно *совмещать каноны естественной и гуманитарной науки*, продолжать использовать измерительные процедуры и расширять сотрудничество с гуманитарными науками для расширения собственного концептуального аппарата (перевод достижений других наук на социологический язык).

Еще одним важным направлением в преодолении кризисных явлений в теоретической социологии должно стать более тесное сотрудничество с другой социальной наукой — экономикой, в рамках которой активно развивается так называемый институциональный подход и возникло новое научное направление «институциональная экономика». Во времена Конта, Дюркгейма и Вебера в центре внимания при изучении социального мира был главным образом человек (люди с их идеями, верованиями, ценностями и т.д.), но современный мир даже в развивающихся странах стал больше миром социальных институтов и организаций — именно они в большей степени определяют жизнедеятельность мира и подчиняют человека своим правилам и процедурам. Вероятно, сегодня, изучая социальные институты и организации, социологи больше узнают об обществе, чем изучая самих людей.

Современный мир очень институционализировался, и что логично, появилась институциональная экономика: прежде экономисты могли изучать экономику отдельно от всего, но сегодня ситуация иная — экономисты вынуждены рассматривать экономику как часть конкретного общества, которая движется не только экономическими интересами и потребностями людей, но и установлениями таких социальных институтов, как религия, образование, право и др. У. Хамилтон провел серию отраслевых исследований, стремясь показать, что заработная плата и цены устанавливаются не рыночными

силами, как считали неоклассические экономисты, а зависят от социального и исторического контекста.

Влияние социального, политического и исторического контекста есть в любой экономике (не только западного типа). Сегодня экономисты-институционалисты вышли на уровень изучения экономических игроков как участников институциональных отношений, объясняя ход исторического развития, природу прогресса и отсталости стран и народов. В современном мире культура общества и его социальные институты выступают на передний план анализа — подобное есть не только в экономике, но и в социологии. Если в экономике новая научная область именуется *Cultural Economics*, то в социологии в конце XX века появляется *Cultural Sociology* (Дж. Александер). Учитывая внимание современных исследователей к культуре обществ и их социальным институтам, представляется важным для социологии в плане выхода из теоретического кризиса двигаться в этом мейнстриме, используя достижения экономистов-институционалистов для обогащения собственного концептуального аппарата.

Примечания

- (1) Э. Гидденс называет позитивистскую социологию натурализмом, подчеркивая тот факт, что она рассматривает общество как естественное явление (т.е. не искусственное, а натуральное, наподобие природы в естествознании).
- (2) Данный теоретический кризис был связан с проблемой той эпохи, которая оформилась в середине XX века, в частности, в связи с публикацией в 1959 году работы «Две культуры и научная революция» физика Ч.П. Сноу, в которой он высказал сожаление о том, что мир естественников и мир гуманитариев разошлись и они стали плохо понимать друг друга. В Советском Союзе такая общественная дискуссия прошла под лозунгом «о физиках и лириках» и зафиксировала существенную разницу в научной культуре двух лагерей — научно-технического и гуманитарного.
- (3) Исследователи творчества Конта отмечают, что он стремился отмежеваться от упреков в социологическом реализме [10]. Конт не хотел, чтобы его имя связывали с прошлым — спор средневековых реалистов и номиналистов он считал анахронизмом, а точку зрения реалистов — эмпирически недоказуемой. Но тем самым он демонстрировал логическую непоследовательность своей позиции: с одной стороны, выделял в качестве объекта социологии общество, которое невозможно эмпирически доказать, с другой — считал, что по образцу экспериментальной науки изучение общества должно быть основано на получении эмпирических данных о нем.
- (4) «Эйзенштадт критикует традиционные модели модернизации, предлагая более гибкое понимание, где модернизация не является линейным процессом и включает в себя множество путей развития, учитывающих культурные и цивилизационные особенности societies» [15. С. 470].

Библиографический список

1. Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпунин О.И. На переломе веков: социодинамика российской культуры. М., 2022.
2. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 2004.
3. Семенов Ю.И. Общество: теоретический анализ понятия. URL: https://scepsis.net/library/id_65.html.

4. Смелзер Н. Социология М., 1994.
5. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. М., 2021.
6. Гидденс Э. Девять тезисов о будущем социологии. URL: <https://socioline.ru/pages/entoni-giddens-devyat-tezisev-o-buduschem-sotsiologii>.
7. Гидденс Э. Социология // Социологические исследования. 1994. № 2.
8. Давыдов Ю.Н. Эволюция теоретической социологии XX века // Социологические исследования. 1995. № 8.
9. Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2017.
10. История буржуазной социологии XIX — начала XX века / Под ред. И.С. Кона. М., 1979.
11. Гайденко П.П. Социология Макса Вебера // История социологии в Западной Европе и США / Отв. ред. Г.В. Осипов. М., 2001.
12. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991.
13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования. 1994. № 1.
15. Эйзенштадт Ш.Н. Новая парадигма модернизации. Распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия. М., 1998.
16. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2000.
17. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.

DOI: 10.22363/2313-2272-2026-26-3-762-776

EDN: VVSOJM

To the origins of theoretical crises in sociology*

A.N. Danilov¹, S.V. Kostyukevich²

¹Belarusian State University,
Kalvariyskaya St., 9, Minsk, 220004, Republic of Belarus

²Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus,
Surganova St., 1, bldg. 2, Minsk, 220072, Republic of Belarus

(e-mail: a.vitebsk55@gmail.com; svkostus@yahoo.com)

Abstract. The article considers the relationship between theoretical crises in sociology and the influence of experimental science, which emerged in Europe in the mid-18th century as a result of the scientific revolution primarily associated with Galileo and Newton. The authors argue that positivist sociology in Europe imitated natural experimental sciences, which determined the understanding of the object of sociological study (society) as a natural phenomenon (similar to nature in natural sciences) developing according to the same (universal) laws and regularities. The imitative nature of positivist sociology is also manifested in the fact that, like natural sciences, on the one hand, it demonstrates the priority of the theoretical over the empirical, while, on the other hand, considers it important to collect empirical data through measurement procedures, i.e., positivist sociology aims at connecting theory and practice. The authors believe that theoretical

*© A.N. Danilov, S.V. Kostyukevich, 2026

The article was submitted on 05.03.2024. The article was accepted on 13.07.2024.

crises of sociology are determined by the impossibility of developing sociology, an essentially one of humanities, according to the canons of natural sciences. And it is positivist methodology that is largely responsible for these crises, as it was the first in time and dominated throughout the 20th century. Given the specific nature of sociology's origins and development, it is essential for it to skillfully combine canons of natural and human sciences. Therefore, sociology should not only develop measurement procedures but also expand its conceptual framework in cooperation with humanities.

Key words: sociology; theoretical crises; positivist sociology; cultural sociology; civilizational approach; institutionalization; institutional approach

For citation: Danilov A.N., Kostyukevich S.V. To the origins of theoretical crises in sociology. *RUDN Journal of Sociology*. 2026; 26 (3): 762–776. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2026-26-3-762-776> EDN: VVSOJM

References

1. Gorshkov M.K., Komissarov S.N., Karpukhin O.I. *Na perelome vekov: sotsiodinamika rossiyskoy kultury* [At the Turn of the Century: Sociodynamics of Russian Culture]. Moscow; 2022. (In Russ.).
2. Ionin L.G. *Sotsiologiya kultury* [Sociology of Culture]. Moscow; 2004. (In Russ.).
3. Semenov Yu.I. Obshchestvo: teoretichesky analiz ponyatiya [Society: A theoretical analysis of the concept]. URL: https://scepis.net/library/id_65.html. (In Russ.).
4. Smelser N. *Sociology*. Moscow; 1994. (In Russ.).
5. Acemoglu D., Robinson J. *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye* [Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty]. Moscow; 2021. (In Russ.).
6. Giddens A. Nine theses on the future of sociology. URL: <https://socioline.ru/pages/entoni-giddens-devyat-tezisev-o-buduschem-sotsiologii>. (In Russ.).
7. Giddens A. Sociology. *Sociological Studies*. 1994; 2.
8. Davydov Yu.N. Evolyutsiya teoreticheskoy sotsiologii XX veka [Evolution of theoretical sociology of the 20th century]. *Sociological Studies*. 1995; 8.
9. Taleb N.N. *Cherny lebed. Pod znakom nepredskazuemosti* [The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable]. Moscow; 2017. (In Russ.).
10. *Istoriya burzhuznoy sotsiologii XIX — nachala XX veka* [History of Bourgeois Sociology in the 19th — Early 20th Centuries]. Ed. by I.S. Kon. Moscow; 1979. (In Russ.).
11. Gaidenko P.P. Sociology of Max Weber. *Istoriya sotsiologii v Zapadnoy Evrope i SShA*. Ed. by G.V. Osipov. Moscow; 2001. (In Russ.).
12. Danilevsky N.Ya. *Rossiya i Evropa. Vzglyad na kulturnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe. The Slavic World's Political and Cultural Relations with the Germanic-Roman West]. Moscow; 1991. (In Russ.).
13. Huntington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy* [Clash of Civilizations]. Moscow; 2003. (In Russ.).
14. Huntington S. Stolknovenie tsivilizatsiy? [Clash of civilizations?]. *Political Studies*. 1994; 1.
15. Eisenstadt Sh.N. Novaya paradigma modernizatsii. Raspad ranney paradigmy modernizatsii i peresmotr sootnosheniya mezhdru traditsiei i sovremennostyu [The new paradigm of modernization. The collapse of the early modernization paradigm and a reconsideration of the relationship between tradition and modernity]. *Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsiy: Khrestomatiya*. Moscow; 1998. (In Russ.).
16. Prigogine I., Stengers I. *Poryadok iz khaosa. Novy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of Chaos. Man's New Dialogue with Nature]. Moscow; 2000. (In Russ.).
17. Arrighi G. *Dolgy dvadtsaty vek: dengi, vlast i istoki nashego vremeni* [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Time]. Moscow; 2006. (In Russ.).